

З В Т X Q P O H Ъ.

Э В Т И Ф Р О Н Ъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Къ числу тѣхъ разговоровъ, которые написаны Платономъ для отдѣльнаго раскрытія нравственныхъ истинъ Сократовой философіи, содержащихся въ Протагорѣ, относится и Эвтифронъ. Древніе критики начинали имъ первую тетралогію, посвященную признательнымъ ученикомъ памяти знаменитаго нравоучителя. И если тетралогическій порядокъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, не приложимъ ко всѣмъ сочиненіямъ Платона; то въ отношеніи къ Эвтифрону, Критону, Аполוגіи и Федону, по крайней мѣрѣ историческая основательность его не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ во всю свою жизнь, до глубокой старости, руководителемъ юныхъ умовъ въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на человѣка собственною его природою и обществомъ, проведши все свое время въ борьбѣ съ возраставшимъ и непрестанно усиливавшимся духомъ софистическаго суемудрія и тщеславія, Сократъ наконецъ приходитъ къ послѣднему предѣлу жизни, гдѣ должна была обнаружиться связь земной его дѣятельности съ помыслами и надеждами загробными. И могъ ли Платонъ, такъ ясно понимавшій душу своего наставника, не обезсмертить его размышленій, раждавшихся при всѣхъ, особенно поразительныхъ обстоятельствахъ предсмертнаго его существо-

ванія? Философу, въ мірѣ языческомъ глубокому и наблюдательному, что въ состояніи было представить лучшіе случаи для философскихъ созерцаній и важнѣйшія темы для изложенія ихъ, какъ не катастрофа мудреца, возвысившагося надъ предразсудками своего вѣка и отечественнаго язычества? Итакъ Платонъ, при первомъ появленіи Сократа предъ судомъ архонтовъ, въ качествѣ государственнаго преступника, заставляеть его разговаривать съ Эвтифрономъ о святости и благочестіи; потомъ возводитъ его на судейскую каѳедру, какъ гражданина, прибѣгающаго подъ покровительство закона; далѣе описываетъ его уже какъ узника и влагаетъ ему въ уста бесѣду съ Критономъ о справедливости и законности поступковъ; и наконецъ изображаетъ его въ темницѣ, какъ мужественнаго страдальца, изливающаго ученикамъ свои чаянія и надежды на безсмертіе.

Впрочемъ эта историческая связь Эвтифрона съ показанными разговорами не препятствуетъ намъ въ научномъ отношеніи смотрѣть на него, какъ на дальнѣйшее развитіе мыслей объ одной изъ тѣхъ коренныхъ добродѣтелей, о которыхъ говорено было въ Протагорѣ. Эвтифронъ, сказали мы, посвященъ изслѣдованію святости и благочестія. Бесѣдуя съ Протагоромъ, Сократъ имѣлъ въ виду подвести частныя понятія о добродѣтеляхъ, въ смыслѣ юридическомъ, подъ одно общее понятіе знанія, или добродѣтели нравственной, и требовалъ, чтобы сила и значеніе первыхъ объясняемы были изъ послѣдней. Съ этою цѣлію онъ приводилъ къ тождеству, между прочимъ, справедливость и святость. Итакъ въ Протагорѣ дѣло шло объ отношеніи и средствѣ добродѣтелей; а въ Эвтифронѣ разсматривается одна святость сама по себѣ и рѣшается вопросъ не объ отношеніи ея, а о существѣ и значеніи. Если же изслѣдованіе существа всякой вещи необходимо служить къ проясненію какъ отличительныхъ ея признаковъ, такъ и общихъ, которые указываютъ на ея средство съ другими вещами; то само

собою разумѣется, что Эвтифронъ есть дальнѣйшее раскрытіе одного изъ моментовъ, заключающихся въ Протагорѣ¹. Нельзя также не замѣтить близкой связи рассматриваемаго разговора съ Лахесомъ и Хармидомъ, если сравнимъ характеръ, форму и ходъ всѣхъ этихъ сочиненій. Въ Лахесѣ Стезилай хвастается искусствомъ сражаться въ полномъ вооруженіи; а между тѣмъ серповидное его копье сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ зрителей: здѣсь Эвтифронъ хвастается даромъ предсказанія и знаніемъ вещей божественныхъ; а между тѣмъ самъ же признается, что Аѳиняне часто смѣются надъ его прорицаніями. Въ Лахесѣ, равно какъ и въ Хармидѣ, предлагаются мнѣнія за мнѣніями о рассматриваемомъ предметѣ, и всѣ, одно за другимъ, опровергаются Сократомъ: здѣсь Эвтифронъ непрестанно мѣняетъ свои понятія о святости, и ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ Сократова анализа. Въ Лахесѣ и Хармидѣ результатъ разговора ясно не высказанъ; и здѣсь также не выведено окончательнаго заключенія, что такое святость. Впрочемъ о направленіи и цѣли Эвтифрона мы скажемъ послѣ, а теперь изложимъ кратко его содержаніе.

Прологъ Эвтифрона есть историческое событіе—появленіе Сократа въ портикѣ царя, или предъ уголовнымъ судомъ, по доносу Мелита, который обвиняетъ сына Софронискова въ нечестіи и развращеніи юношества. Здѣсь Сократъ встрѣчается съ Эвтифрономъ, хвалившимся обширными познаніями въ дѣлахъ религіи, и, вступивъ съ нимъ въ разговоръ, къ крайнему удивленію, узнаетъ, что онъ пришелъ обвинить своего отца въ человѣкоубійствѣ, по случаю смерти одного наемнаго слуги, который за убійство раба былъ связанъ отцемъ его и, прежде рѣшенія суда, умеръ. Узнавъ это, Сократъ спрашиваетъ Эвтифрона: «Неужели ты приписываешь себѣ такое опредѣленное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми, что, обвиняя

¹ Эта связь высказана и самимъ Платономъ. См. Protag. p. 360. E.

отца, не боишься совершить нечестіе? Скажи же, что ты называешь святымъ и что нечестивымъ?»

Замѣчательно, что заставивъ Эвтифрона рѣшать этотъ вопросъ, Платонъ мало-по-малу переводитъ его по всѣмъ степенямъ ограниченія предмета и излагаетъ эротематически всю теорію логики объ опредѣленіи.

Эвтифронъ сперва отвѣчаетъ, что, святое дѣло есть именно то самое, которое онъ теперь предпринялъ, то-есть, которое клонится къ обвиненію его отца въ убійствѣ. Это, очевидно, — не что иное, какъ опредѣленіе предмета частнымъ случаемъ, примѣромъ, или какою-нибудь одною стороною явленія. Посему Сократъ требуетъ, чтобы Эвтифронъ указалъ ему общую черту святости, достаточную для обозначенія цѣлаго рода дѣлъ святыхъ и благочестивыхъ.

Понявъ смыслъ этого требованія, прорицатель называетъ святымъ то, что пріятно богамъ, а нечестивымъ то, что имъ непріятно. Противъ этого опредѣленія, повидимому, и сказать бы нечего: но Сократъ вдругъ, вышедши изъ круга вѣрованій языческихъ, поставляетъ ихъ предъ судомъ истины, ясной для всякаго ума здравомыслящаго, — и Эвтифроново опредѣленіе падаетъ само собою. Какъ узнать, говоритъ онъ, что пріятно богамъ, и что нѣтъ, когда они во враждѣ между собою, когда одному изъ нихъ нравится то, другому — другое? Если боги ссорятся другъ съ другомъ, и предметъ ихъ ссоры есть справедливое и несправедливое, доброе и злое; то, по отношенію ко всѣмъ имъ вмѣстѣ, одно извѣстное дѣло должно быть и святымъ, и нечестивымъ. Это заключеніе, очевидно, основывается на томъ свойствѣ родоваго признака, по которому онъ принадлежитъ не всему роду или цѣлому, а только извѣстнымъ видамъ, или частямъ его. Такая же погрѣшность была бы допущена, когда бы кто составилъ, на примѣръ, слѣдующій силлогизмъ: все, что разрушается, смертно; а чело-вѣкъ разрушается; слѣдовательно чело-вѣкъ смертенъ.

Опровергнутый этимъ заключеніемъ, Эвтифронъ старается поправить свое мнѣніе, посредствомъ обобщенія родоваго

понятія. Предположивъ, что должны же быть поступки, пріятные либо непріятные всѣмъ богамъ, онъ пополняетъ прежнее понятіе о святости. Святое, говоритъ, есть то, что любить всѣ боги; несвятое напротивъ—то, что ненавидятъ всѣ боги. Но Сократъ входитъ глубже въ предметъ и видитъ различіе между святымъ и боголюбезнымъ. Боголюбезное должно признавать боголюбезнымъ потому, что его любятъ боги; а святое и самые боги любятъ потому, что оно свято. Слѣдовательно основаніе того, что боголюбезное боголюбезно, заключается въ любви боговъ; а основаніе святости—въ чемъ-то выше этой любви; такъ что и самая любовь боговъ зависитъ отъ какого-то высшаго условія, скрывающагося въ существѣ святости. Такимъ образомъ Сократъ показываетъ, что любовь боговъ есть не признакъ, которымъ можно бы опредѣлить, что такое святость, а законная, естественно и необходимо приносимая ей дань; иначе: любовь боговъ есть только дѣйствіе святости на боговъ (*πάθος*), формальное ея выраженіе, а не сущность (*οὐσία*).

Когда же и это понятіе оказалось недостаточнымъ; Сократъ вызывается самъ навести Эвтифрона на путь къ образованію опредѣленія, удовлетворяющаго требованіямъ логики. Надобно, говоритъ онъ, смотрѣть, что въ чемъ содержится, что содержащее, и что содержимое, и первымъ ограничивать послѣднее. Святость, очевидно, есть часть справедливости¹; потому что все святое справедливо, но не все справедливое свято. Скажи же, Эвтифронъ, какая часть справедливости называется святостію; укажи признакъ, которымъ въ цѣлой сферѣ справедливаго отличается святое отъ всего прочаго. Но Эвтифронъ не видитъ въ предметѣ ничего, кромѣ формальныхъ его выраженій, и признакомъ святости почитаетъ служеніе богамъ (*περί τῶν θεῶν θεράπειαν*), а признакомъ всего прочаго въ той же сферѣ—обхожденіе

¹ Это мнѣніе, безспорно, принадлежитъ Сократу и Платону; потому что оно признается за истинное и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, напр. *Protag.* p. 14. В. С. 331. А. sq. *Gorg.* p. 507.

съ людьми; то-есть, опредѣляетъ святость не самымъ существомъ справедливости, а только ея отношеніемъ. По этому Сократъ признаетъ нужнымъ прояснить понятіе обхожденія и, вмѣстѣ съ Эвтифрономъ, разумѣя его какъ стараніе оказать пользу тому, съ кѣмъ обходимся, заключаетъ, что обходиться съ богами, значитъ приносить имъ пользу, или дѣлать ихъ лучшими. Само собою разумѣется, что Эвтифронъ не могъ согласиться на это заключеніе, а спѣшилъ исправить свою мысль, представляя святость, какъ искусство рабски служить богамъ (*ὑπηρετικὴ*). Но Сократъ преслѣдуетъ своимъ анализомъ и это новое опредѣленіе: онъ разсматриваетъ значеніе служенія, поколику оно почитается признакомъ святости, и находитъ, что служеніе въ этомъ смыслѣ есть орудіе, посредствомъ котораго боги нѣчто производятъ, а потому спрашиваетъ: что такое производятъ боги, пользуясь нашими услугами? На этотъ вопросъ Эвтифронъ не находитъ прямого отвѣта, но, самъ не замѣчая, возвращается къ прежнему своему понятію о святости. Онъ говоритъ: святость есть умѣнье въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ дѣлать угодное богамъ. Чтобы показать ему, что онъ дѣйствительно возвратился къ тому положенію, которымъ началъ и отъ котораго потомъ самъ отказался, Сократъ разбираетъ понятіе молитвы и жертвоприношенія и, находя, что молиться значитъ просить, а приносить жертвы—давать, заключаетъ, что святость есть торговая сдѣлка людей съ богами. Это заключеніе заставило Эвтифрона понять жертвоприношеніе и молитву, уже какъ выраженіе благодарности, и сказать, что такое выраженіе богамъ любезнѣе всего; а отсюда само собою слѣдовало, что святымъ дѣломъ называется дѣло боголюбезное, между тѣмъ какъ прежде было доказано Сократомъ и допущено Эвтифрономъ, что боголюбезное отлично отъ святаго. Поэтому Сократъ выражаетъ свое сожалѣніе, что онъ не узналъ, что такое святость, и не имѣетъ возможности избавиться отъ обвиненія, внесеннаго Мелитомъ.

Изъ этого хода и развитія разговора видно, что хотя онъ и не привелъ собесѣдниковъ къ ясному результату о существѣ святости, однакожь показалъ, въ чемъ и какимъ образомъ надобно искать его, по внутреннему убѣжденію Сократа. Для уразумѣнія этого убѣжденія, надобно сообразить всѣ обстоятельства разговора и сравнить ихъ съ нѣкоторыми современными мнѣніями народа о сынѣ Софрониска. Эвтифронъ выставляется образцомъ благочестія и въ тоже время вовсе несправедливо обвиняетъ своего отца въ убійствѣ. Напротивъ, Сократа, между прочимъ, обвиняли въ возмущеніи дѣтей противъ отцовъ ¹ и за это относили его къ числу людей нечестивыхъ. Такія, совершенно противныя умозаключенія отдаются какъ бы на судъ Мелита, Сократова обвинителя. Явно, что его сужденіе должно основываться на истинномъ понятіи о благочестіи и святости; а понятіе о святости, какъ показано въ разговорѣ, должно вытекать изъ вѣрнаго значенія справедливости, поколику она прилагается къ богамъ и людямъ. Но какою чертою, которою характеризуется справедливость, Сократъ могъ объяснить, что такое святость? Мы видимъ, что онъ заставляетъ Эвтифрона возводить значеніе святости выше молитвъ и жертвоприношеній и поставяетъ ее вообще въ выраженіи благодарности: однакожь и благодарность еще нельзя назвать признакомъ справедливости, или правды; потому что первая ниже послѣдней. Благодарность есть самое высшее въ религіозной и нравственной жизни человѣка: но и она далеко недостаточна для опредѣленія святости. Что же слѣдуетъ отсюда?—то, что истинная святость невыразима человѣческимъ языкомъ и человѣческими дѣлами, что она заключается въ нѣдрѣ правды, а правда бываетъ предметомъ ссоры даже и для Греческихъ боговъ. По этому Греки напрасно обвиняютъ Со-

¹ Въ Аристофановыхъ облакахъ v. 1320 sq. Филиппидъ, получившій образованіе въ школѣ Сократа, бьетъ своего отца и даже доказываетъ, что онъ дѣлаетъ это справедливо.

крата въ нечестіи: онъ лучше всѣхъ, мнимо-благочестивыхъ людей и знатоковъ благочестія, понимаетъ высокое значеніе святости.

Такъ представляемъ мы себѣ цѣль Платонова Эвтифрона и не можемъ не удивляться крайней мнительности Аста, который, безъ всякихъ достаточныхъ основаній, относитъ этотъ разговоръ къ числу подложныхъ. Для чего предполагать, что Эвтифронъ написанъ на скорую руку, что въ немъ многое начато, но не кончено, и потомъ, опровергая собственное свое предположеніе, заключать, что это сочиненіе принадлежитъ не Платону? Мы не находимъ въ немъ ни мелкихъ изслѣдованій, ни растянутости въ рѣчи, ни противорѣчій съ другими сочиненіями Платона; надобно только помнить, что Эвтифронъ посвященъ раскрытію мыслей; собственно Сократовыхъ, что Платонъ говоритъ здѣсь языкомъ своего учителя. Нѣтъ причины почитать этотъ разговоръ и безцѣльнымъ; хотя возвышенность предмета и не позволяла писателю высказать его цѣль съ большею ясностію и откровенностію. А что Астъ находитъ полную тему Эвтифрона въ Государствѣ II. 37. А. В. οὐδὲ λεπτέον νέω ἀκούοντι, ὡς ἀδικῶν τα ἔσχατα οὐδὲν ἂν θαυμαστὸν ποιοίη, οὐδ' αὖ ὁ ἀδικοῦντα τὸν πατέρα κολάων παντὶ τρόπῳ, ἀλλὰ δρώη ἂν, ὅπερ θεῶν — διπρότοι τε καὶ μέγιστοι. — οὐδὲ γε — ὡς θεοὶ θεοῖς πολεμοῦσι τε καὶ ἐπιβουλεύονται καὶ μάχονται — то сравнивъ приведенныя слова съ разсматриваемымъ нами разговоромъ, всякій замѣтитъ, что онѣ никакъ не могутъ быть полною его темою, а только указываютъ на одну вѣтвь его развитія.

Гораздо важнѣе вопросъ о времени, когда Платонъ написалъ своего Эвтифрона. Ширенбергъ въ программѣ: über die Zeit der Abfassung des Platonischen Euthyphron, Iemb. 1830, весьма основательно подтверждаетъ мнѣніе Шлейермахера, Зохера и Штальбома, что разсматриваемый разговоръ написанъ послѣ доноса, по которому начался судъ надъ Сократомъ, однакожъ прежде того времени, въ которое можно было предвидѣть бѣдственные слѣдствія судопроизвод-

ства для сына Софронискова. Что Эвтифронъ вышелъ въ свѣтъ послѣ доноса, — видно изъ того, что въ немъ говорится объ этомъ обстоятельстве. Но почему бы Платону не написать его тогда, когда судебное дѣло его учителя было уже кончено?—Этого не позволяетъ допустить самый тонъ разговора. Можно ли представить, чтобы Платонъ наказывалъ Мелита, Сократова обвинителя, одною ироніею и обыкновеннымъ оружіемъ діалектики, а народъ—однимъ намѣткомъ на его предрасудки, когда бы Сократъ находился уже въ темницѣ и былъ осужденъ на смерть? Въ послѣднемъ случаѣ разговоръ, даже противъ воли сочинителя, получилъ бы характеръ болѣе серьезный, тонъ болѣе строгій, и выражался бы рѣчью болѣе сильною и энергическою. Между тѣмъ мы видимъ, что во всемъ Эвтифронѣ изслѣдованіе идетъ спокойно и впечатлѣвается пріятною шутливостію: тутъ нѣтъ и тѣни печали, опасенія, или предчувствія бѣдствій. Кажется, Платонъ и не думалъ, что дѣло Сократа приметъ такой оборотъ и приведетъ его къ такой ужасной смерти. Да и не удивительно, когда приговоръ надъ нимъ, даже въ послѣдній день суда, основывался на большинствѣ немногихъ голосовъ (Apol. Socr. 36. A.). Есть и другая причина полагать, что Эвтифронъ написанъ не послѣ осужденія Сократа. Въ этомъ разговорѣ упоминается только о доносѣ Мелита: но извѣстно, что доносчиками на Сократа были также Анить и Ликонъ, люди въ мнѣніи Аѳинянъ весьма значительные. Поэтому, еслибы Платонъ издалъ въ свѣтъ Эвтифрона въ то время, когда его учитель находился уже въ темницѣ; то упомянулъ бы не объ одномъ Мелитѣ, человѣкѣ малоизвѣстномъ, но и о прочихъ двухъ обвинителяхъ.

Противъ этого мнѣнія могутъ сказать только то, что Платонъ поступилъ бы неразумительно, если бы въ то самое время, когда Сократа обвиняли въ нечестіи, заставлялъ его худо отзываться о народномъ богопочтеніи и подвергать сомнѣнію важность молитвъ и жертвоприношеній. Но кто

вникалъ въ религіозный бытъ Грековъ при Сократѣ, Периклѣ и Платонѣ; тотъ знаетъ, что подобныя сужденія о вѣрованіяхъ народа были тогда весьма обыкновенны и не почитались преступными. Греки открыто смѣялись надъ пороками своихъ боговъ; поэты безнаказанно описывали любовныя ихъ похожденія, ссоры, происки и страсти; самые философы за шутки этого рода не подвергались гоненію. Если же нѣкоторые изъ нихъ и были наказаны правительствомъ; то основаніемъ казни служило или прямое отрицаніе боговъ, что приписывалось Протагору и Діагору Мелосскому, или порицаніе религіозныхъ тайнствъ, что, по свидѣтельству Діогена Лаерція (II. 116), позволялъ себѣ Стилпонтъ, или наконецъ навѣты злыхъ людей, отъ которыхъ пострадалъ Сократъ. Каковы бы ни были мысли сына Софронискова объ отечественномъ его язычествѣ; но въ Эвтифронѣ онъ встаетъ только противъ предразсудковъ и миѳическихъ толковъ о богахъ, а не противъ самаго бытія боговъ. Ему не нравилась дорога къ Олимпу, увлажненная кровію бессловесныхъ жертвъ ¹, и вѣчная ссора на Олимпѣ, а не самый Олимпъ.

¹ Надъ понятіями народа о жертвоприношеніяхъ, не хуже Платона, смѣялся и Аристофанъ—напр. въ «Птицахъ» v. 186. et al., гдѣ Пистегерось совѣтуетъ основать въ воздухѣ царство птицъ и такимъ образомъ пресѣчь сообщеніе между богами и людьми. Тогда первые, говоритъ онъ, не пользуясь болѣе жертвами послѣднихъ, перемерутъ отъ голода и жажды.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЭВТИФРОНЪ, СОКРАТЬ.

Эвт. Что за новость, ¹ Сократъ! ты прекратилъ свои 2. бесѣды въ Ликеѣ и проводишь теперь время въ портикѣ царя ². Вѣроятно у тебя, такъ же какъ и у меня, предъ царемъ нѣтъ никакого судебного дѣла.

Сокр. Не совсѣмъ вѣроятно, Эвтифронъ. Впрочемъ Аѳиняне называютъ мое дѣло не судебнымъ, а государственною виною ³.

¹ *Что за новость:* τί νεώτερον; Объ уравнительной степени τί νεώτερον, вмѣсто τί νεον, см. прим. ad Protag. p. 310. В. Это выраженіе весьма свойственно характеру аѳинскихъ Грековъ, которые непрестанно стремились къ новостямъ и мѣняли ихъ одну за другою, а по тому спрашивали какъ бы такъ: τί νεοῦ νεώτερον.

² *Въ портикѣ царя,* ἐπὶ τῆν τοῦ βασιλέως στοάν. Извѣстно, что греческое судилище, со временъ Кодра, состояло изъ девяти Архонтовъ, изъ которыхъ второй назывался царемъ и завѣдывалъ дѣлами религиозными и уголовными. Портикъ царя былъ отдѣленіе уголовного судьи и находился у керамической площади, близъ храма τοῦ Ἐλευθερίου. См. Meier de lite Attica p. 47. sq. Meurs. Lectt. attic. VI. 17. Lusac. exercitt. acad. spec. III. p. 172. sqq.

³ *Называютъ мое дѣло не судебнымъ, а государственною виною,* οὗτοι δὲ—δίκην αὐτὴν καλοῦσιν, ἀλλὰ γραφήν. Это различіе словъ δίκη и γραφή Асту кажется до того невѣрнымъ, что онъ принялъ его за одинъ изъ признаковъ подложности Эвтифрона. Невѣрность различія, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что δίκη, такъ же какъ и γραφή, употребляется для означенія вины общественной. Гемстергузій (z. Thom. Mag. S. 240), Фишеръ (Anmerk. S. 7. et. al.) и Петръ Левивельдскій (de infamia ex iure Attico p. 22) видятъ здѣсь другое затрудненіе: долженъ ли былъ Сократъ объяснять Эвтифрону, какъ Греку, различіе между δίκη и γραφή?—и полагаютъ что Эвтифронъ жилъ большею частію въ колоніяхъ, а потому не зналъ различія между этими реченіями. Штальбомъ думаетъ, что подъ словомъ δίκη разумѣлась вина, какъ общественная, такъ и частная, а подъ словомъ γραφή—только общественная. Всѣ эти затрудненія придуманы, по моему мнѣнію, безъ всякаго достаточнаго побужденія. Астъ не хотѣлъ обратить вниманія на собственное значеніе

Эвт. Что ты говоришь? Такъ видно на тебя сдѣлалъ ктонибудь доносъ? Вѣдь я не могу думать, чтобы ты донесъ на кого-нибудь.

В. *Сокр.* Конечно нѣтъ.

Эвт. Значить, на тебя другой?

Сокр. Да.

Эвт. Кто же это?

Сокр. Я и самъ не очень знаю его, Эвтифронъ: человекъ, по видимому, молодой и неважный; называютъ его, кажется, Мелитомъ изъ демы пивейской ¹. Не припомнишь ли ты какогонибудь Пивейца, Мелита, съ прямыми волосами, рѣдкою бородою и орлинымъ носомъ ²?

Эвт. Не помню, Сократъ. А въ чемъ состоитъ доносъ?

Сокр. Въ чемъ состоитъ? Доносъ-то, мнѣ кажется, не с. маловаженъ: молодому человѣку знать такое дѣло—не бездѣлица. Я знаю, говоритъ онъ, какимъ образомъ развращается юношество, и знаю, кто развращаетъ его. Должно быть, это какой-нибудь мудрецъ. Почитая мою неученость

словъ *δίκη* и *γρᾶφι*, изъ которыхъ первымъ означается вообще судебное дѣлопроизводство, какого бы рода оно ни было, а послѣднее есть дѣлопроизводство по винѣ уголовной и притомъ государственной, всегда основывавшееся на доносѣ, и потому называвшееся *γρᾶφι*. Потомъ, съ чего взяли Гемстергузій и Петръ Левивельскій, будто Сократъ объясняетъ Эвтифрону различіе словъ *δίκη* и *γρᾶφι*? Текстъ не представляетъ ни малѣйшаго повода такъ думать. Сократъ говоритъ объ этомъ своему собесѣднику, какъ о дѣлѣ, не возбуждающемъ никакого недоумѣнія. Не основательно и мнѣніе Штальбома; потому что въ такомъ случаѣ слова Сократа были бы безъ цѣли: если Эвтифронъ сказалъ *δίκη*; то зачѣмъ бы Сократу поправлять его словомъ *γρᾶφι*, когда и первое, равно какъ послѣднее, означаетъ вину общественную? Напротивъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ словомъ *δίκη* Греки разумѣли вину, подлежащую изслѣдованію суда, а подъ словомъ *γρᾶφι*—такое преступленіе, которое было ясно и безъ судопроизводства, а потому требовало только опредѣленія или приговора. См. *Schömann. De comitiis Athen.* p. 129.

¹ Изъ демы Пивейской, τὸν δῆμον Πιτταίας. Schol. Πιτταίης δῆμος Αιγυήτιδος Ἀθήνησιν, ἐξ οὗ οὗτος. Однакожъ Стефанъ Византійскій и Гарпократіонъ относятъ эту дему къ племени Кекропидовъ.

² Съ прямыми волосами ... орлинымъ носомъ. Если вѣрить Сальмазію (*de Cesare virorum*) и Юпію (*de Coma* с. 4.); то человѣка съ длинными и прямыми волосами Греки почитали женоподобнымъ и извѣженнымъ, рѣдкородаго—недорослемъ, а горбоносаго—гордымъ. Сравни. *Apolog.* p. 25. *E. de Rep.* V. p. 474. С.

развратительницею своихъ сверстниковъ, онъ обращается къ городу, какъ бы къ отцу, и обвиняетъ меня. Изъ политиковъ, кажется, онъ одинъ управляетъ вѣрно; потому что въ самомъ дѣлѣ справедливо — прежде всего заботиться о дѣтяхъ, чтобы они вышли отличными, слѣдуя примѣру добраго садовника, который сперва старательно смотритъ за молодыми растеніями, а потомъ уже и за прочими. Такъ-то, можетъ быть, и Мелитъ, — сначала истребитъ насъ, которые, по его словамъ, вредимъ отпрыскамъ юношества, а за тѣмъ уже конечно позаботится и о старшихъ, и чрезъ то окажется городу весьма много величайшихъ услугъ, чего и должно ожидать отъ человѣка, сдѣлавшаго такое начало.

Эвт. Желательно бы, Сократъ; но я боюсь, не выдетъ ли напротивъ: вѣдь кто берется обидѣть тебя; тотъ, мнѣ кажется, начинаетъ дѣлать зло городу съ самаго корня ¹. Да скажи мнѣ, какими бы дѣлами, по его словамъ, и развращать тебѣ юношество ²?

Сокр. И слышать-то странно, почтеннѣйшій. Онъ говоритъ, что я творю боговъ; то-есть, ввожу новыхъ и отвергаю древнихъ. Въ этомъ именно состоитъ его доносъ.

Эвт. Понимаю, Сократъ; ты объявляешь, что съ тобою всегда — твой геній: вотъ ему и поводъ донести на тебя, какъ на нововводителя въ дѣлахъ божественныхъ. Съ этимъ-то на-

¹ *Начинаетъ дѣлать городу зло съ самаго корня, ἀρ' ἐστίας ἄρχεσθαι* κληροῦται τὴν πόλιν. Выраженіе ἀρ' ἐστίας ἄρχεσθαι у Грековъ было пословицею, принималось почти всегда въ худую сторону и прилагалось къ тѣмъ людямъ, которые начинаютъ дѣлать какое-нибудь зло съ своего дома, съ своихъ пенатовъ, ab ara et foco, или съ главныхъ опоръ общественнаго и домашняго благоустройства, а principibus. Schol. ad Aristoph. Vespr. 832. *Eusth.* ad Odys. VIII p. 1579. Rom. *Wyttenb.* ad Plut. moral. T. 1. p. 642. ed. Oхон.

² *Какими бы дѣлами, по его словамъ, и развращать тебѣ юношество, τί καὶ ποιοῦντα σὲ φησι διαφθεῖραι τοὺς νέους;* Употребленіе частицы καὶ здѣсь весьма знаменательно. *Herman.* ad Vtger. p. 837. Въ этой конструкціи она выражаетъ крайнюю степень сомнѣнія. Напримѣръ вопросъ: τί χρὰ προσδοκῶν; показываетъ, что вопрошающій не знаетъ, что случится; но вопросъ: τί χρὰ καὶ προσδοκῶν означаетъ, что вопрошающій не имѣетъ и мысли, чтобы что-нибудь могло случиться.

Вѣтомъ онъ идетъ въ судъ, зная, что толпа охотно принимаетъ подобныя клеветы. Вѣдь и надо мною смѣются, будто надъ безумцемъ, когда я въ собраніи говорю что-нибудь о предметахъ божественныхъ и предсказываю будущее,—смѣются не потому, чтобы мои предсказанія были несправедливы, а потому, что завидуютъ всѣмъ такимъ, какъ мы. Впрочемъ ненужно слишкомъ беспокоиться; будемъ идти дружно.

Сокр. Любезный Эвтифронъ! быть осмѣяннымъ, можетъ быть, еще неважно. Аѳиняне, кажется, не очень хлопочутъ о томъ, что кого нибудь почитаютъ сильнымъ; лишь бы только не преподавалъ онъ своей мудрости. По зависти ли, какъ ты говоришь, или по чему иному, они гнѣваются больше на того, кого почитаютъ готовымъ сдѣлать и другихъ такими же.

Эвт. Впрочемъ, мнѣ не слишкомъ любопытно знать, какого они обо мнѣ мнѣнія.

Сокр. Можетъ быть, ты кажешься имъ особнякомъ, который не хочетъ преподавать своей мудрости; а я боюсь противнаго: не замѣтили ли они во мнѣ челоувѣколюбиваго чувства—изливать въ словѣ каждому все, что имѣю,—не только безъ платы, но и съ придачею своего удовольствія, лишь бы кто пожелалъ меня слушать? Итакъ, еслибы они, говорю, захотѣли только посмѣяться надо мною, какъ смѣялись и надъ тобою; то ни-чуть не скучно было бы провести время въ судѣ съ шутами и насмѣшниками: но что, когда примутся за дѣло серьезно? Тогда только вамъ—прорицателямъ будетъ извѣстно, какія произойдутъ послѣдствія.

Эвт. Можетъ быть, Сократъ, и ничего не будетъ. Думаю, ты благополучно выиграешь свое дѣло, а я—свое.

Сокр. Но у тебя-то, Эвтифронъ, какое же дѣло? Ты бѣжишь, или преслѣдуешь?

Эвт. Преслѣдую.

Сокр. Кого?

Эвт. Того, кого преслѣдуя, можно тотчасъ показаться сумасшедшимъ.

Сокр. Что? ужъ не на-лету ли кого-нибудь ¹?

Эвт. Куда ему летать! онъ уже дряхлый старикъ?

Сокр. Ктожь это такой?

Эвт. Мой отецъ.

Сокр. Твой отецъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Какая же вина его? и въ чемъ дѣло?

Эвт. Въ убійствѣ, Сократъ.

Сокр. О Ираклъ! да народъ-то вѣроятно и не знаетъ, Эвтифронъ, какъ тутъ соблюсти справедливость. Вѣдь соблюсти ее въ этомъ случаѣ можно, думаю, не всякому встрѣчно-в. му, а тому, кто уже далеко ушелъ въ мудрости.

Эвт. Конечно далеко, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Видно, отъ твоего отца умеръ ктонибудь изъ родныхъ ²? само собою разумѣется; потому что за чужаго-то ты, вѣроятно, не сталъ бы обвинять его въ убійствѣ.

Эвт. Смѣшно, Сократъ, что ты различаешь: чужой умеръ, или свой. Надобно смотрѣть на одно: за дѣло ли кто убилъ, или нѣтъ; если за дѣло,—оставь его, а когда нѣтъ, — преслѣдуй, хотя бы убійца ѣлъ и пилъ за однимъ съ тобою столомъ. Преступленіе не меньшее — жить съ нимъ сознательно

¹ *Ужъ не на-лету ли кого-нибудь?* πετόμενον τινα δεικνεις; это выраженіе кажется имѣло значеніе пословицы. По крайней мѣрѣ Аристотель (*Metaph.* III. 18) подъ словами τὰ πετόμενα δεικνεις разумѣетъ тѣхъ, которые любятъ ломать голову надъ предметами темными и неудобопонятными.

² У Грековъ былъ законъ, что предавать убійцу суду и вступаться за смерть убитаго могутъ только родственники послѣдняго. *Demosth. adv. Marcant.* p. 1069 ed. Reisk. Поэтому, являясь предъ судъ съ обвиненіемъ, они подтверждали свое родство съ покойникомъ формальною присягою. *Demosth. adv. Everg.* p. 1160. Polluc. VIII. 118. Слуги въ такомъ случаѣ причитались къ семейству и также приводимы были къ присягѣ. *Isaeus de Ciron. hereditate* § 16. Сравни. *Glentze das Familienrecht der Cognaten u Agnaten.* p. 152 sqq. Однакоже Эвтифронъ приходитъ въ судъ обвинять отца въ убійствѣ не слуги, а наемника, что, по видимому, не согласно было съ упомянутымъ закономъ. Эту несообразность можно объяснять или тѣмъ, что умершій наемникъ занималъ у Эвтифрона мѣсто и должность слуги, или тѣмъ, что Платонъ съ намѣреніемъ указалъ въ прорицательнъ неуваженіе къ гражданскимъ законамъ, чтобы поставить его въ совершенную противуположность съ Сократомъ.

и не очистить себя и его чрезъ судъ. Умершій-то, видишь, былъ мой работникъ ¹ и нанялся къ намъ, когда мы воздѣльвали землю на островѣ Наксосѣ ². Напившись допьяна и разсердившись на одного изъ нашихъ слугъ ³, этотъ работникъ убилъ его. Отецъ мой, связавъ убійцѣ руки и ноги, бросилъ его въ одинъ ровъ, и послалъ сюда человекъ къ истолкователю посовѣтоваться ⁴, что ему дѣлать; между тѣмъ о связанномъ, какъ объ убійцѣ, не думалъ и не заботился: не важное, то-есть, дѣло, если и умреть, — что и случилось. Голодь, стужа и эти веревки убили его прежде, чѣмъ посоль возвратился отъ истолкователя. Вотъ за то-то и негодуютъ на меня — какъ отецъ, такъ и прочіе родные, что за убійцу я об-

¹ *Былъ мой работникъ, πελάτης τις ἦν ἐμός.* Πελάται были бѣдные, но свободные граждане, и совершенно отличались отъ рабовъ, οἰκέται. Они большею частію продавали свои труды людямъ богатымъ и получали отъ нихъ почти шестую часть того, что вырабатывали; посему назывались также ἐκτήμοροι или ἐκτημόριοι. *Hesych.* T. I. p. 1152. ἐκτήμοροι: οἱ ἐπὶ ἕκτω μέρει τὴν γῆν γεωργοῦντες. *Eustath.* ad *Odys.* XIX 28. Иногда имъ давали имена Θήτες и ἐργολάβοι, что соответствуетъ слову «поденщикъ». *Casaub.* ad *Athen.* XII. p. 738. *Runkel.* ad *Tim.* p. 211. *Wachsmuth.* *Hellen. Alterthumsk.* T. I. p. 235. Они не имѣли права требовать себѣ правительственныхъ мѣстъ и ходить на войну. *Polluc.* III. 82.

² Афиняне, завладѣвъ какимъ-нибудь островомъ, тотчасъ отбирали земли у туземцевъ и дѣлили ихъ между собою. Входившіе въ дѣлежъ назывались γεωμόροι или κληροῦχοι, помѣщиками. Это самое произошло и на островѣ Наксосѣ, славившемся плодородіемъ земли, а особенно богатствомъ своихъ виноградниковъ. *Thucyd.* I. 98 *Plut.* *Pericl.* c. 11.

³ *Изъ одного изъ нашихъ слугъ, τῶν οἰκετῶν τινι.* Οἰκέται были безъ сомнѣнія члены семейства, свои, домашніе, domestici. Но Греки, по свойственному имъ мягкосердію и человеколюбію, домашними, οἰκέτας, называли и рабовъ своихъ. *Athen.* VI. 19. *Polluc.* III. 82. Разумѣя ихъ въ этомъ смыслѣ, они давали имъ различныя названія, по роду ихъ службы и другимъ обстоятельствамъ *Hemsterh.* ad *Lucian.* *Tim.* § 22. T. I p. 102 sp. Аммоній Эрміасъ (ad *Aristot.* de *interpret.* p. 31 sq.) говоритъ, что Діодоръ Кроносъ, желая доказать произвольность именъ, которыя мы даемъ вещамъ, называлъ своихъ слугъ частицами; напримѣръ: одного Ἄλλὰ μὲν, другаго — какънибудь иначе. Сравни прим. къ Протаг. p. 310. А.

⁴ *Къ истолкователю посовѣтоваться, περισόμενον τοῦ ἐξηγητοῦ.* Ἐξηγηταί, по свидѣтельству Поллука VIII. 124., занимались истолкованіемъ божественныхъ знаменій и другихъ религіозныхъ предметовъ. Свидѣ говоритъ, что такихъ лицъ было три; а Цицеронъ (*legg.* 2. 27) называетъ ихъ именно interpretes religionum, а не jurisconsultos, какъ впоследствии думалъ Гемстергузій.

виняю своего отца въ убійствѣ, котораго, по ихъ словамъ, онъ не совершилъ. Да еслибъ и совершилъ, то и тогда, говорятъ, не стоило бы вступаться за умершаго; потому что онъ самъ былъ убійца. При томъ, нечестиво будто бы сыну Е. обвинять отца въ убійствѣ. Худо понимаютъ они, Сократъ, дѣла божественныя, худо отличаютъ святое отъ нечестиваго!

Сокр. Но ты-то Эвтифронъ? неужели, ради Зевса, приписываешь себѣ столь опредѣленное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми и нечестивыми, что, обвиняя отца, не боишься совершить нечестіе, если происшествіе было таково, какъ оно разсказано тобою?

Эвт. А что было бы отъ меня пользы, Сократъ, и чѣмъ? Эвтифронъ отличался бы отъ другихъ, если бы не зналъ опредѣленно всѣхъ этихъ вещей?

Сокр. О, какъ же хорошо, дивный Эвтифронъ, мнѣ поучиться у тебя и, прежде чѣмъ начнется судопроизводство, сказать Мелиту слѣдующее: я и прежде старался болѣе всего о познаніи дѣлъ божественныхъ; а теперъ, когда онъ началъ обвинять меня въ вольномысліи и нововведеніяхъ касательно вѣры, я даже сдѣлался твоимъ ученикомъ. Посему, если ты, Мелитъ, сказалъ бы я, признаешь Эвтифрона въ этомъ отношеніи мудрымъ и правомыслящимъ, то думай такъ же и обо мнѣ и не обвиняй меня: а когда напротивъ, В. то суди прежде учителя, чѣмъ меня; потому что онъ развращаетъ стариковъ, Сократа и отца своего, — перваго посредствомъ наставленій, а послѣдняго посредствомъ упрековъ и наказаній. Если же онъ не повѣритъ мнѣ и не освободитъ меня отъ суда, или, вмѣсто меня, подастъ донось на тебя; то и ты въ судѣ скажешь противъ него то самое, что прежде говорилъ я.

Эвт. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; пусть только попробуетъ донести на меня, — а открою, гдѣ у него гнило; С. и тогда въ судѣ скорѣе будутъ разсуждать о немъ, чѣмъ обо мнѣ.

Сокр. Знаю, любезный другъ; потому-то и хочу быть

твоимъ ученикомъ. Знаю также, что никто другой, ни самъ Мелитъ, не подумаетъ и взглянуть на тебя: напротивъ, въ меня онъ уже всмотрѣлся такъ проникательно и легко, что обвиняетъ въ нечестіи. Открой же мнѣ теперь, ради Зевса, то, что для тебя, по твоему признанію, совершенно ясно, то-есть, какъ надобно отличать благочестіе отъ D. нечестія—и въ убійствѣ и во всемъ другомъ. Развѣ святое не одно и то же во всякомъ дѣлѣ и не равно само себѣ? Такимъ же образомъ, несвятое развѣ не противоположно всему святому и не равно само себѣ? Развѣ все, чтобы ни было, несвятое, заключается не въ одной идеѣ нечестія?

Эвт. Непремѣнно, Сократъ.

Сокр. Скажи же, что называешь ты святымъ, и что несвятымъ?

Эвт. Святымъ я называю именно то, что теперь дѣлаю, то есть — преслѣдованіе преступника, обличеннаго либо въ убійствѣ, либо въ святотатствѣ, либо въ другихъ E. подобныхъ дѣлахъ,—отецъ ли то будетъ, мать, или иной ктонибудь: а непреслѣдованіе такихъ людей, по моему мнѣнію, есть несвятое. И смотри, Сократъ, на какомъ прочномъ основаніи утверждается истинность этого закона ¹. Я говорилъ уже и другимъ, что справедливость требуетъ не полагать нечестивому, кто бы онъ ни былъ. Люди сами почитаютъ Зевса высочайшимъ и правосуднѣйшимъ 6. изъ боговъ; однакожъ вѣрятъ, что онъ связалъ своего отца, безъ вины пожиравшаго дѣтей, а потомъ за другія подобныя дѣла даже оскотилъ его. Между тѣмъ на меня досаждаютъ, что я вооружаюсь противъ отца—преступника, и такимъ образомъ, по отношенію къ дѣлу боговъ и моему, противорѣчатъ сами себѣ.

¹ Это основаніе есть примѣръ Зевса, который связалъ и оскотилъ своего отца, Хроноса. Значитъ, Эвтифронъ основывается на нелѣпомъ вѣрованіи народа, о коемъ впоследствии Теренцій, хотя также язычникъ, сказалъ: at quem deum!—ego homuncio hoc non facerem. Eun. III. 5. 40. sqq.

Сокр. А не за то-то ли, Эвтифронъ, я и подпадаю подъ судъ, что подобные рассказы о богахъ слушаю какъ-то съ неудовольствіемъ? Въ томъ-то, скажутъ вѣроятно, я и погрѣшаю. Если же теперь и ты, при всемъ глубокомъ знаніи дѣлъ божественныхъ, держишься того же мнѣнія; то намъ необходимо, кажется, уступить. Да и какой дадимъ отвѣтъ ¹, В. когда сами соглашаемся, что объ этомъ ничего не знаемъ? Но скажи, ради бога дружбы ², думаешь ли ты, что это дѣйствительно такъ было.

Эвт. Было еще удивительнѣе этого, Сократъ, о чемъ простой народъ не вѣдаетъ.

Сокр. Значить, ты думаешь, что между богами въ самомъ дѣлѣ бываетъ сильная вражда, драка и многое тому подобное ³, о чемъ рассказываютъ поэты, что малюютъ добрые живописцы — и въ другихъ священнѣхъ для насъ мѣстахъ, и на той мантии ⁴, которая, со множествомъ подоб-

¹ То и намъ необходимо, кажется, уступить. Да и какой дадимъ отвѣтъ. . . ἀνάγκη δὲ, ὡς εἶπικε, καὶ ἡμῖν συγχωρεῖν. Τί γὰρ καὶ φήσομεν, . . . Здѣсь множественное ἡμῖν надобно понимать какъ единственное: намъ, то-есть, такимъ людямъ, какъ я. Подобное употребленіе множественнаго числа, вмѣсто единственнаго, въ рѣчи Сократовой весьма обыкновенно. Вотъ и ниже 11 В. τοῦ ἡμετέρου προγόνου, надобно переводить: моего предка.

² Ради бога дружбы, πρὸς Φίλιμ. Φίλιος было одно изъ многихъ именъ Зевса, подъ которымъ онъ признаваемъ былъ за покровителя дружбы.

³ Эти басни о богахъ Платону вообще не нравились. Онъ въ своемъ Государствѣ строго запрещаетъ питать ими юные умы дѣтей. De Rep. II. p. 378. С. sqq. III. p. 408. С. D. et alib.

⁴ И на той мантии, ὁ πέπλος. Словомъ πέπλος Греки называли женскую мантию, расписанную разными изображеніями и посвященную Минервѣ. Servio Aen. L. 1. По свидѣтельству Лютація Пластида (in Thebaid. L. 10.), replum est vestis candida, avreis clavis picta (расписанная золотыми бантами) sive manicis (?) quod simulachris fiebat. Hoc replum primum est ab Atheniensibus institutum, quod matronæ suis manibus faciebant et inter triennium (quinquennium?) numinibus offerebant. На этой мантии, какъ говоритъ Виргилій, изображалось поражение Гигантовъ рукою Минервы, также подвиги аѳинскихъ вождей (отсюда поговорка комиковъ: ἄνδρες ἄξιοι τοῦ πέπλου Aristoph. Equit), ихъ генеалогія, послѣдніе дни жизни, родъ смерти, гробницы съ эпитафіями. Sam. Pelitus comm. in II. Atticos L. 1. tit. 1. Впрочемъ честь быть изображеннымъ на Минервиной мантии принадлежала однимъ умершимъ; а при жизни только Антигонъ и Димитрій Полиоркетъ удостои-

ныхъ изображеній, въ праздникъ великихъ Панаѳиней ¹ перевозится въ Акрополисъ? Назовемъ ли все это истиннымъ, Эвтифронъ?

Эвт. Не одно это, Сократъ; я, если угодно, расскажу тебѣ о дѣлахъ божественныхъ много и другаго, и увѣренъ, что, слушая меня, ты изумишься.

Сокр. Неудивительно; но объ этомъ расскажешь мнѣ когда-нибудь на досугѣ; а теперь попытайся объяснить то, о D. чемъ я недавно просилъ тебя. Вѣдь ты, другъ мой, еще не разрѣшилъ удовлетворительно перваго моего вопроса: въ чемъ состоитъ святое? а только сказалъ мнѣ, будто святымъ называешь то, что теперь дѣлаешь, то-есть, обвиняешь отца въ убійствѣ.

Эвт. И сказалъ правду, Сократъ.

Сокр. Можетъ быть. Но называешь ли ты, Эвтифронъ, и многіе другіе поступки святыми?

Эвт. Конечно.

Сокр. А помнишь ли, что я спрашивалъ тебя не объ од-

лись видѣть на ней имена свои. Процессія съ Минервиною мантиєю отличалась величайшею пышностію: въ ней участвовали не только Аѳиняне всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, но и иностранцы, къ этому времени стекавшіеся въ Аѳины. Въ процессіи старики обязаны были идти съ оливковыми вѣтвями, мужчины помоложе — съ заступами, а женщины—съ кувшинами и зонтиками. Подъ словомъ *πέπλος* разумѣлась также и обыкновенная мантия, употреблявшаяся восточными народами, Греками и Римлянами. Она была чрезвычайно длинна и широка, такъ что закрывала не только весь станъ человѣка, но и лице его; при томъ дѣлалась изъ самой тонкой ткани, что заставило Сенеку назвать ее *nebulam et ventum textilem*. Сравни *Lippoman. Gen. c. 38 и 14.*

¹ *Въ праздникъ великихъ Панаѳиней.* Этотъ праздникъ установленъ въ честь Минервы Эрихтоніемъ, сыномъ Вулкана, и потому названъ Аѳинесію, *Ἀθήναια. Harprocratio.* Имя же Панаѳиней получилъ онъ, говорятъ, отъ того, что Тезей, соединивъ всѣ аттическія племена въ одно общество, призналъ нужнымъ увѣковѣчить память этого событія всенароднымъ праздникомъ, или, по Плутарху, *καλοθήναια θυσιῶν ἐποίησε κοινήν.* Панаѳиней было двѣ, великая и малая: первая совершалась чрезъ пять лѣтъ, вторая ежегодно, а по другимъ свидѣтелямъ, чрезъ три года. На каждую изъ нихъ отдѣльныя Греческія племена присылали въ Аѳины быка для публичной жертвы. На этомъ основывается шутка Аристофана въ *Облакахъ*, что въ праздникъ Панаѳиней Аѳины бываютъ весьма богаты рогами (т. е. въ Аѳинахъ тогда господствовало чрезвычайное пльнство).

номъ и не о двухъ святыхъ дѣлахъ изъ множества ихъ, но о цѣломъ родѣ, въ которомъ все святое — свято? Ты какъ будто сказалъ, что, въ отношеніи къ одной идеѣ, все несвятое — несвято, а святое — свято. Или не помнишь?

Эвт. Помню.

Сокр. Такъ научи же меня, что такое самая эта идея, чтобы, смотря на нее и пользуясь ею, какъ образцомъ, я могъ все согласное съ нею — и въ твоихъ поступкахъ, и въ поступкахъ другихъ людей, назвать святымъ, а несогласное — несвятымъ.

Эвт. Скажу и это, Сократъ, если хочешь.

Сокр. Да, хотѣлъ бы-таки.

Эвт. Святое есть то, что пріятно богамъ, а несвятое — то, что имъ непріятно.

Сокр. Прекрасно, Эвтифронъ; ты далъ такой отвѣтъ, о 7. какомъ я просилъ тебя. Вѣренъ ли онъ, конечно еще не извѣстно; но ты, разумѣется, докажешь, что говоришь справедливо.

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Давай же, рассмотримъ свое положеніе. Богопріятный поступокъ и богопріятный человѣкъ святъ: богоненавистный поступокъ и богоненавистный человѣкъ несвятъ. Это — не одно и тоже, но святое совершенно противоположно несвятому. Не такъ ли?

Эвт. Такъ.

Сокр. И тебѣ кажется, это хорошо сказано?

Эвт. Думаю, Сократъ; вѣдь сказано.

Сокр. Но и то сказано, Эвтифронъ, что между богами в. бывають ссоры, взаимное несогласіе и вражда другъ противъ друга.

Эвт. Конечно сказано.

Сокр. А вражда и гнѣвъ, почтеннѣйшій, проистекають не изъ разногласія ли касательно чего-нибудь? Рассмотримъ это. Положимъ, что я и ты различно думали бы о числахъ, которое изъ нихъ болѣе: разногласіе въ этомъ отношеніи

конечно возбудило бы между нами вражду и вооружило бы С. насъ другъ противъ друга, пока, сосчитавшись по этому предмету, мы не примирились бы одинъ съ другимъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы мы разногласили касательно большаго и меньшаго; то, измѣривъ вещь, вѣрно перестали бы разногласить?

Эвт. Такъ.

Сокр. Равно, обратившись къ вѣсамъ, мы, думаю, кончили бы споръ о тяжелѣйшемъ и легчайшемъ?

Эвт. Какъ не кончить!

Сокр. Отъ какого же разногласія и къ какому согласію перейти мы не могли бы, но сердились бы другъ на друга и оставались бы врагами? Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ такой D. вопросъ неподрученъ: такъ позволь мнѣ сказать и размысли,— не есть ли это справедливое и несправедливое, хорошее и дурное, доброе и злое? не объ этихъ ли предметахъ мы разногласимъ и, не могли совершенно сойтись въ отношеніи къ нимъ, бываемъ врагами другъ другу, какъ скоро сталкиваемся—я, ты и всѣ прочіе люди?

Эвт. Точно это, Сократъ; все разногласіе бываетъ въ отношеніи къ этому.

Сокр. Чтожъ? боги-то, если разногласятъ, Эвтифронъ,— не тѣже ли предметы ихъ разногласія?

Эвт. Крайне необходимо.

Сокр. Значить, справедливымъ и несправедливымъ, хорошимъ и дурнымъ, добрымъ и злымъ одни изъ боговъ, благородный Эвтифронъ, по твоимъ словамъ, почитаютъ одно, другіе—другое. Вѣдь они, вѣроятно, не ссорились бы между собою, если бы не разногласили въ этомъ отношеніи. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. И что каждый изъ нихъ почитаетъ хорошимъ, добрымъ и справедливымъ, то и любить, а противное этому ненавидить?

Эвт. Конечно.

Сокр. Между тѣмъ въ томъ-то, какъ ты говоришь, что одни боги почитаютъ справедливымъ, а другіе несправедливымъ,—въ томъ именно недоумѣніи есть причина ихъ ссоры и взаимной вражды. Не такъ ли?

Эвт. Такъ

8.

Сокр. Стало быть, одно и тоже и ненавидятъ они и любятъ; и дѣла какъ богоненавистныя, такъ и боголюбезныя у нихъ—однѣ и тѣже.

Эвт. Выходить.

Сокр. Но на этомъ основаніи, Эвтифронъ, и святое и не-святое равнымъ образомъ для нихъ одно и тоже.

Эвт. Должно быть.

Сокр. Слѣдовательно ты, почтеннѣйшій, отвѣчалъ мнѣ не на вопросъ: я спрашивалъ тебя не о томъ, что бываетъ одно и тоже — и святое и не святое; а изъ твоихъ словъ видно, что боголюбезное есть вмѣстѣ и богоненавистное. Такъ напримѣръ, не удивительно, что настоящимъ своимъ поступкомъ, то-есть, обвиненіемъ отца, ты угодишь Зевсу, но В. оскорбишь Хроноса и Урана, — сдѣлаешь пріятное Иеесту, но огорчишь Иру. Тоже должно сказать и о прочихъ богахъ, если только они не одного объ этомъ мнѣнія.

Эвт. Но ни одинъ богъ, думаю, не спорить съ другимъ, Сократъ, что не надобно наказывать человѣка, который незаконно убилъ кого-нибудь.

Сокр. Чтожъ, Эвтифронъ? А между людьми развѣ ты слышалъ, чтобы кто спорилъ, что не должно подвергать на- С. казанію незаконнаго убійцу, или поступившаго несправедливо въ чемъ-нибудь иномъ?

Эвт. Споры объ этомъ не прекращаются ни въ другихъ мѣстахъ, ни въ судахъ. Даже тѣ, которые виноваты, какъ нельзя болѣе, все дѣлаютъ и говорятъ, чтобы избавиться отъ обвиненія.

Сокр. Но если они уже признаютъ себя виноватыми, Эв-

тифронъ; то, признавшись, говорятъ ли, что не должно наказывать ихъ?

Эвт. Этого-то никакъ не бываетъ.

Сокр. Слѣдовательно они не все дѣлаютъ и говорятъ. Я думаю, никто не осмѣлится утверждать и спорить, что не должно наказывать его, хотя онъ и виноватъ. Такіе люди, видно, не почитаютъ себя виноватыми. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. Слѣдовательно они спорятъ не о томъ, что не должно наказывать виновнаго, а о томъ, кто, въ чемъ и когда виновенъ.

Эвт. Справедливо.

Сокр. Но не тоже ли самое бываетъ и съ богами, если они, по твоимъ словамъ, ссорятся о справедливомъ и несправедливомъ, то-есть, если одни изъ нихъ говорятъ, что такой-то обидѣлъ, а другіе не говорятъ? Того же, почтеннѣйшій, что не должно наказывать виновнаго, не смѣютъ сказать ни Е. боги, ни люди.

Эвт. Да, ты говоришь правду, Сократъ; именно это главное.

Сокр. При томъ, люди и боги, если только у боговъ, Эвтифронъ, бываютъ касательно чего-нибудь разногласія и споры, споря между собою, всякій разъ спорятъ, думаю, о дѣлахъ: то-есть, одни изъ нихъ говорятъ, что извѣстное дѣло сдѣлано справедливо, а другіе, — что несправедливо. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

9. *Сокр.* Итакъ наставь же меня, любезный Эвтифронъ, что бы я былъ мудрѣе; скажи, почему ты знаешь, что всѣ боги почитаютъ незаконною смерть такого наемнаго слуги, который, сдѣлавшись человѣкоубійцею, былъ связанъ господиномъ покойника и отъ узъ умеръ, прежде нежели связавшій успѣлъ получить извѣстіе отъ истолкователей, какъ ему поступить, и что за это сынъ справедливо можетъ преслѣдовать своего отца и обвинять его въ убійствѣ. Ну-ка

постарайся доказать мнѣ какъ-нибудь яснѣе, что неперемѣн- В.
но всѣ боги признають это дѣло справедливымъ. Если твое
доказательство будетъ достаточно; то я никогда не переста-
ну прославлять твою мудрость.

Отв. Но, можетъ быть, тутъ потребовалось бы, Сократъ,
не мало труда, еслибы я захотѣлъ доказать тебѣ это съ со-
вершенною ясностію ¹.

Сокр. Понимаю: въ твоихъ глазахъ я не столь смышленъ,
какъ судьи; вѣдь имъ-то ты, разумѣется, докажешь, что это
беззаконно ², что такія дѣла ненавистны всѣмъ богамъ.

Эвт. Да и весьма ясно, Сократъ, — только бы захотѣли
меня слушать.

Сокр. Будутъ слушать, лишь бы твоя рѣчь показалаь С.
хорошею. Но между тѣмъ какъ ты говорилъ, — я подумалъ и
теперь размышляю самъ съ собою: положимъ, Эвтифронъ въ
самомъ дѣлѣ научилъ бы меня, что такую смерть всѣ боги
признають беззаконною; узналъ ли бы я отъ него даже и тог-
да, въ чемъ состоитъ святое, и въ чемъ несвятое? Пусть
онъ сказалъ бы, что это богоненавистно: однакожъ и тутъ,
по видимому, не опредѣлилось бы еще значеніе того, что
свято и противно святому; потому что дѣло богоненавистное
бываетъ и богопріятнымъ. И такъ я увольняю тебя отъ отвѣ-
та, Эвтифронъ; допустимъ если угодно, что всѣ боги призна- D.
ють этотъ поступокъ беззаконнымъ и ненавидятъ его. Но
не поправится ли намъ съ своею рѣчью слѣдующимъ обра-
зомъ: что всѣ боги ненавидятъ, то несвято, что — любятъ, то

¹ Этими словами Эвтифронъ хочетъ выразить ту мысль, что ему конечно можно бы и легко было бы доказать это, если бы легкій для него предметъ не дѣлался труднымъ отъ внѣшнихъ препятствій. Посему Сократъ отвѣчаетъ: *понимаю, — въ твоихъ глазахъ я не столь смышленъ*, и проч.

² *Докажешь, что это беззаконно, ἐνδείξει δῆλον ὅτι, ὡς ἔδικά τέ ἐστι.* Въ этомъ выраженіи Штальбомъ видитъ не маловажное доказательство, что Эвтифронъ есть сочиненіе Платоново. Слова *δῆλον ὅτι* въ позднѣйшее время развитія греческаго языка слились въ одно *δηλονότι*, какъ у насъ слова *въ мѣсто* сдѣлались предлогомъ *вмѣсто*. Замѣчательно, что въ Алкивиадѣ второмъ, котораго подлинность съ самымъ дѣлѣ сомнительна, вездѣ пишется *δηλονότι*. Напримѣръ 449. В. *Τὸν γὰρ θεὸν οὐκ εἶν δηλονότι.*

свято; что одни любятъ, другіе ненавидятъ, то ни то ни сѣ, или и то и сѣ? Хочешь ли, такъ опредѣлимъ святое и не-святое?

Эвт. Что же препятствуетъ, Сократъ?

Сокр. Мнѣ-то ничто не препятствуетъ, Эвтифронъ; но ты смотри свое ¹: допустивъ это, удобно ли тебѣ научить меня тому, что обѣщаль?

Эвт. Да, я могу допустить, что любезное всѣмъ богамъ Е. свято, а ненавистное всѣмъ богамъ несвято.

Сокр. Но рассматривать ли намъ, Эвтифронъ, истинность этого положенія, или оставить, и, когда утверждаютъ, что это такъ, просто принимать мнѣніе, — наше ли оно будетъ, или чужое? Впрочемъ, не лучше ли изслѣдовать, что тутъ говорится?

Эвт. Лучше изслѣдовать; хотя я думаю, что теперь мы сказали хорошо.

Сокр. А вотъ сей-часъ узнаемъ обстоятельнѣе, почтеннѣйшій. Подумай-ка о слѣдующемъ: святое потому ли свято, что любезно богамъ, или потому любезно богамъ, что 10. свято ²?

Эвт. Я не понимаю твоихъ словъ, Сократъ.

Сокр. Такъ постараюсь сказать яснѣе: мы называемъ нѣ-что носимымъ и носящимъ, водимымъ и водящимъ, видимымъ и видящимъ. Ты понимаешь, что все это отлично одно отъ другаго, какъ отличное?

Эвт. Да, кажется, понимаю.

Сокр. Поэтому, если есть любимое, то не отлично ли оно отъ любящаго?

Эвт. Какъ не отлично!

¹ Ты помни свое обѣщаніе — научить меня, что такое святость.

² Этими словами начинается изложеніе Сократова ученія, что святое свято—не потому, что оно любимо богами: напротивъ боги оттого-то и любятъ его, что оно свято. Любовь боговъ не есть существенный признакъ святости самой по себѣ, не обозначаетъ ея природы, а только показываетъ, какъ дѣйствуетъ она на боговъ, и свидѣлствуетъ, что сами боги приносить ей дань благоговѣнія. Впрочемъ см. ниже р. 11. А.

Сокр. Скажи же мнѣ: носимое потому ли носимое, что В. его носить, или по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. И водимое,—по тому, что его водятъ, и видимое,—по тому, что его видятъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значить, видимое не по тому видятъ, что оно видимо, а напротивъ—по тому видимо, что его видятъ; и водимое не по тому водятъ, что оно водимо, а по тому водимо, что его водятъ; и носимое не по тому носить, что оно носимо, а по тому носимо, что его носить. Ясно ли теперь, Эвтифронъ, что хочу я сказать? Я хочу сказать слѣдующее: если что-нибудь бываетъ, или страдаетъ; то бываетъ не по С. тому, что оно есть бываемое, а по тому есть бываемое, что оно бываетъ; и страдаетъ не по тому, что оно есть страдательное, а по тому есть страдательное, что оно страдаетъ. Или ты не согласенъ съ этимъ?

Эвт. Согласенъ.

Сокр. А любимое не есть ли нѣчто бываемое, либо нѣчто страдательное въ отношеніи къ чему-нибудь?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значить, и оно таково же, какъ прежнее: то-есть, если любятъ его, то любятъ не по тому, что оно любимо, а по тому оно любимо, что его любятъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. Итакъ, что же скажемъ мы о святомъ, Эвтифронъ? D. не то ли, что оно, согласно съ прежнимъ твоимъ мнѣніемъ, любезно всѣмъ богамъ?

Эвт. Да.

Сокр. Но по тому ли, что оно свято, или по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. Слѣдовательно оно любимо по тому, что свято, а не потому свято, что любимо.

Эвт. Выходить.

Сокр. И однакожь боголюбезное боголюбезно и любимое любимо—по тому, что его любятъ боги.

Эвт. Какъ же иначе!

Сокр. Значить, боголюбезное не есть святое, Эвтифронъ, и святое, по твоимъ же словамъ, не есть боголюбезное; но одно отлично отъ другаго.

Эвт. Какъ же такъ, Сократъ?

Сокр. Такъ. Мы согласились, что святое по тому любимое, что свято, а не по тому свято, что любимо. Не правда ли?

Эвт. Да.

Сокр. Боголюбезное же таково, поколику любезно богамъ, то-есть, боголюбезно именно по тому, что любимо, а не по тому любимо, что боголюбезно.

Эвт. Твоя правда.

Сокр. Но если боголюбезное и святое, Эвтифронъ,—одно и то же; то, какъ святое любятъ ради того, что оно свято, такъ 11. и боголюбезное любили бы по тому, что оно боголюбезно. Если же боголюбезное боголюбезно по тому, что оно любимое богами, то и святое было бы свято по тому, что оно любимое ими. Между тѣмъ ты видишь, что онѣ находятся въ обратномъ отношеніи, какъ отличныя одно отъ другаго: то-есть, первое надобно любить потому, что его любятъ; а послѣднее любятъ потому, что его надобно любить. Видно же на мой вопросъ, что называется святымъ, ты, Эвтифронъ, не хотѣлъ открыть самую сущность его, а только показалъ нѣкоторое его свойство. Ты сказалъ, что ему свойственно быть любезнымъ для всѣхъ боговъ, а не сказалъ, что такое оно само по себѣ¹. И такъ, если тебѣ пріятно, не скрывай отъ меня этого, но объяви опять сначала, что называется свя-

¹ На это высокое ученіе надобно смотрѣть какъ на одно изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ, что Платонъ, по своимъ убѣжденіямъ, былъ вовсе не политеистъ. Здѣсь въ логическихъ понятіяхъ высказывается та же мысль, которую въ Федръ (р. 247.) представляетъ этотъ философъ въ прекрасномъ образѣ.

тымъ, независимо отъ того, любезно ли оно богамъ, или имѣетъ какое-нибудь другое свойство. Объ этомъ мы разногласить не будемъ; только скажи искренно, что почитается святымъ и несвятымъ.

Эвт. Но я не знаю, Сократъ, какъ высказать тебѣ свои мысли. Все, что мы ни выставимъ ¹, какъ-то кружится у насъ и не хочетъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ было поставлено.

Сокр. Видно твои слова, Эвтифронъ,—слова моего предка С. Дедала ². Если бы сказалъ и постановилъ ихъ я; то ты, можетъ быть, посмѣялся бы надо мною: вотъ-де, по родству съ нимъ, и у тебя содержаніе убѣгаетъ изъ рѣчи и не хочетъ оставаться тамъ, гдѣ было положено. А теперь, такъ какъ предположенія сдѣланы тобою, нужна иная шутка: ты самъ видишь, что онѣ не устаиваются у тебя, какъ и у Дедала.

Эвт. Кажется, Сократъ, что наши слова вызываютъ

¹ Все, что мы ни выставимъ, ἢ ἂν προῖμεθα. Такъ читается по Альду, но по Стефану ὑποῖμεθα, что, кажется, неправильно; потому что Эвтифронъ говорить здѣсь метафорически, и Платонъ видимо примѣняетъ его выраженіе къ выставкѣ.

² Слова моего предка Дедала. Причина, по которой Сократъ называетъ Дедала своимъ предкомъ, заключается конечно не въ родствѣ послѣдняго съ первымъ, а въ томъ, что Софронискъ занимался скульптурою, слѣдовательно былъ потомкомъ Дедала по искусству. Можно думать и такъ, что въ Атикѣ существовало поколѣніе Дедалидовъ (см. Steph. Byzant.), подобно поколѣнію Асклепадовъ, которое смотрѣло на древняго скульптора, какъ на своего учителя и корифея. Наконецъ Сократъ могъ почитать себя потомкомъ Дедала и въ томъ смыслѣ, къ какомъ онъ приписывалъ себѣ знаніе повивальнаго искусства, заимствованнаго имъ отъ матери; поколику то-есть, разговаривая съ своими собесѣдниками, подчинялъ ихъ рѣчь законамъ умственной механики и давалъ ей любое направленіе. Дедалъ, по мифологическимъ сказаніямъ, былъ великій механикъ: онъ изобрѣлъ топоръ, пилу, отвѣсъ, буравъ и другія художественскія орудія; при томъ ввелъ въ употребленіе паруса, устроивъ ихъ на подобіе крыльевъ. Отсюда—басня αλαγῆς Dedalī. Онъ дѣлалъ также статуи и, посредствомъ невидимаго механизма, приводилъ ихъ въ движеніе. Сверхъ того древность приписываетъ ему построеніе критскаго лабиринта и множество другихъ удивительныхъ вещей. Hofmann. lex v. Ded Упоминаніе о статуяхъ Дедала см. также Менон. р. 97. Д.; а о томъ, что Сократъ производилъ свой родъ отъ Дедала, см. Alcib. 1. р. 121. А.

именно такую шутку: но не я сообщил имъ способность кру-
 D. житься и не стоять на одномъ мѣстѣ, а ты представляешься
 мнѣ Дедаломъ; у меня-то оставалось бы это такъ.

Сокр. Видно же, другъ мой, въ искусствѣ я настолько
 превосходишь того человѣка, что ¹ онъ дѣлалъ движимыми толь-
 ко собственныя свои произведенія, а мнѣ, кромѣ собственныхъ,
 пришлось приводить въ движеніе и чужія. При томъ, — вотъ
 торжество искусства: я — мудрецъ нехотя; мое желаніе было
 E. установить рѣчь и сдѣлать ее твердою, чтобы къ мудрости Де-
 дада присоединить особенно сокровища Танталовы ². Впрочемъ
 довольно объ этомъ. Такъ какъ ты, кажется мнѣ, безпеченъ;
 то я самъ, вмѣстѣ съ тобою, постараюсь показать, какимъ об-
 разомъ тебѣ надлежало бы учить меня, что называется свя-
 тымъ. Не поскучай же, смотри: все святое не необходимо ли
 представляется тебѣ справедливымъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. А все справедливое — святымъ? — Или, можетъ быть,
 все святое справедливо, но не все справедливое свято? мо-
 12. жетъ быть, одно свято, а другое — другое?

Эвт. Я не могу слѣдовать за твоими мыслями, Сократъ.

Сокр. Однакожь ты во сколько моложе меня, во столько
 же и мудрѣе. Тебѣ, какъ я сказалъ, мѣшаетъ одна безпеч-
 ность, происходящая отъ богатства мудрости. Но сдѣлай
 усиліе, почтеннѣйшій. Да о моихъ словахъ и не трудно раз-
 мыслить. Я говорю противное тому, что воспѣваетъ поэтъ ³:

¹ Въ этой конструкціи *ὅτι* не можеть быть переводимо словомъ *на- сколько*; потому что оно здѣсь не усиливаетъ мысли, а только показываетъ сравненіе и могло бы быть замѣнено союзомъ *ὅτι*, если бы не выражалось имъ сравненія.

² Танталовы сокровища лежали безъ движенія. См. прим. р. 315. С. къ Протагору. Этою аллегоріею Сократъ выражаетъ ту мысль, что дедаловское движеніе рѣчи въ разговорѣ должно имѣть цѣлю неподвижную, никогда неизмѣняющуюся истину, всесовершенное сокровище, котораго человѣкъ ищетъ и не находитъ.

³ *Что воспѣваетъ поэтъ, ἢ ὁ ποιητὴς ἐποίησεν ὁ ποιητὰς.* Подъ словомъ *ὁ ποιητὴς* иногда разумѣется прямо Омиръ: но здѣсь Сократъ указываетъ на Стасина, котораго кипрскія стихотворенія вошли въ такую славу, что

О Зевсѣ, который все сотворилъ и все насадилъ, что мы видимъ, Вести свою рѣчь ты не хочешь, за тѣмъ что гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ.

Въ этомъ я не согласенъ съ поэтомъ: сказать ли по чему? В.

Эвт. Скажи.

Сокр. Я не думаю, что гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Мнѣ кажется, многіе хоть и боятся болѣзней, бѣдности и другихъ вещей; но, боясь, не стыдятся того, чего боятся. Не такъ ли и тебѣ кажется?

Эвт. Конечно.

Сокр. Напротивъ, гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ; потому что найдется ли такой человѣкъ, который бы, стыдясь чего-нибудь и краснѣя, не опасался въ тоже время и не боялся С. безславія?

Эвт. Да, боится.

Сокр. Слѣдовательно несправедливо сказано: гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Надобно сказать: гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ. То-есть, гдѣ страхъ-то, тамъ не всегда бываетъ стыдъ; потому что страхъ, кажется, обширнѣе стыда: стыдъ есть часть страха, какъ нечетъ есть часть числа; такъ что, гдѣ есть число, тамъ можно еще и не быть нечету, а гдѣ есть нечетъ, тамъ уже есть и число. Понимаешь ли по крайней мѣрѣ это-то?

Эвт. Конечно.

Сокр. Такъ вотъ такой же вопросъ былъ и прежде. Точно ли, гдѣ справедливое, тамъ и святое? или на оборотъ: гдѣ святое, тамъ и справедливое, а гдѣ справедливое, тамъ D. не всегда бываетъ святое, поколику то-есть святое разумѣется, какъ часть справедливаго? Такъ ли скажемъ, или тебѣ иначе кажется?

Эвт. Не иначе, а такъ; потому что ты говоришь правду.

сочинителя ихъ почитали зятемъ Омира; а по свидѣтельству Иродота (II. 117), нѣкоторые приписывали ихъ и самому Омиру. Fischer ad. h. l. Henrichsen, de carminibus Cypriis p. 69. Nitsch. De Aristotele contra Wolfianos p. 20 vqq.

Сокр. Смотри же, что далѣе. Если святое есть часть справедливаго; то по видимому надобно опредѣлить, какую часть справедливаго составляетъ святое. Положимъ, ты спросилъ бы меня, о чемъ сей-часъ говорено было, то-есть: какую часть числа составляетъ четъ, и что это за-число? Я отвѣчалъ бы: у котораго не неравныя, а равныя стороны ¹. Или не такъ?

Эвт. Такъ.

Е. *Сокр.* Постарайся же и ты объяснить мнѣ такимъ образомъ: святое —какая часть справедливаго?—и тогда скажемъ Мелиту, что онъ не долженъ обижать насъ и обвинять въ нечестіи; такъ какъ мы достаточно узнали отъ тебя, что называется благочестивымъ и святымъ, и что нѣтъ.

Эвт. Благочестивое и святое, Сократъ, кажется, есть та часть справедливаго, которая относится къ служенію богамъ; а прочія части того же справедливаго относятся къ служенію ² людямъ.

Сокр. Ты, по видимому, прекрасно говоришь, Эвтифронъ.

13. Теперь мнѣ нужно нѣчто небольшое. Я еще не понимаю, что

¹ У котораго не неравныя, а равныя стороны, ὅς ἐν μὴ σκαληνὸς ᾖ, ἀλλ' ἰσοσκελῆς. Слова σκαληνὸς и ἰσοσκελῆς суть нечетъ и четъ въ протяженностяхъ, то-есть въ области геометрическихъ измѣреній; а въ отношеніяхъ численныхъ имъ соотвѣтствуютъ περιττός и ἄρτιος.

² Слово *θεραπεία* у Грековъ имѣло двоякое значеніе: оно значило — первыхъ служить кому-нибудь, или исполнять чьи нибудь приказанія; во вторыхъ ходить около чего либо, или содержать вещь въ надлежащемъ ея состояніи. *θεραπεία* въ первомъ значеніи есть безусловный долгъ, исключаящій всякое право, и цѣль его — въ безусловномъ правѣ того, кто приказываетъ; *θεραπεία* во второмъ значеніи есть чистый произволъ, внѣ всякаго долга, основывающійся на одномъ правѣ свободной дѣятельности и имѣющій цѣль въ самомъ себѣ. Эвтифронъ имѣлъ въ виду какъ будто эти два рода взаимно противоположныхъ служеній, когда различалъ ихъ по предметамъ. Но Сократъ, удержавъ это различіе предметовъ, мысленно сталъ на срединѣ между долгомъ и произволомъ и, поставивъ въ отношеніе ихъ цѣли, представилъ третій, средній родъ служенія социальнаго или относительнаго. Такое служеніе есть въ собственномъ смыслѣ нравственное; потому что основаніе его въ нѣдрѣ свободы, цѣль — въ безусловномъ, и поприще — безконечный путь самоусовершенія, опредѣляемый и направляемый идеею безусловнаго блага. Но Сократъ не высказалъ этой истины, а только приблизился къ ней.

у тебя называется служеніемъ. Вѣдь не скажешь ты конечно, что, каково бываетъ служеніе въ отношеніи ко всему другому, таково должно быть оно и въ отношеніи къ богамъ. Мы говоримъ же, на примѣръ, что не всякій умѣетъ служить лошадямъ, а только всадникъ. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

Сокр. По этому искусство всадника состоитъ въ служеніи лошадямъ.

Эвт. Да.

Сокр. И не всякій умѣетъ служить собакамъ, а только псарь.

Эвт. Такъ.

Сокр. Значить, искусство псаря есть служба собакамъ.

Эвт. Да.

В.

Сокр. А искусство пастуха—служба быкамъ.

Эвт. Конечно.

Сокр. А святость и благочестіе—служеніе богамъ, Эвтифронъ. Не такъ ли ты говоришь?

Эвт. Такъ.

Сокр. Но вѣдь всякое служеніе дѣлаетъ одно и то же, а именно,—какое-нибудь добро и пользу тому, чему служить. На примѣръ: ты самъ видишь, что отъ службы всаднической получаютъ пользу и становятся лучшими лошади. Или тебѣ иначе кажется?

Эвт. Нѣтъ, не иначе.

Сокр. Такимъ же образомъ, отъ службы псарной — собаки, отъ пастушьей — быки. То же должно сказать и о всемъ другомъ. Или ты думаешь, что служеніе приноситъ вредъ тому, кому служить?

Эвт. Нѣтъ, ради Зевса, не думаю.

Сокр. Слѣдовательно—пользу?

Эвт. Какъ же иначе?

Сокр. Неужели же и святость, какъ служеніе богамъ, приносить имъ пользу и дѣлаетъ ихъ лучшими? Но можешь

ли согласиться, что, совершая известное святое дѣло, ты улучшаешь котораго-нибудь бога?

Эвт. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Конечно, я и самъ не думаю, Эвтифронъ, чтобы ты сказалъ это; — куда думать! Для того-то я и спросилъ, какъ ты понимаешь служеніе богамъ, что былъ увѣренъ въ D. твоимъ несогласіи разумѣть его такимъ образомъ.

Эвт. Да и справедливо, Сократъ; потому что я въ самомъ дѣлѣ не такъ разумѣю его.

Сокр. Положимъ; какое однакожъ служеніе богамъ называется святостію?

Эвт. Такое, Сократъ, какое прилично слугамъ въ отношеніи къ ихъ господамъ.

Сокр. Понимаю: это должно быть искусство угождать богамъ.

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но можешь ли сказать, въ исполненіи какого дѣла искусство угождать угождаетъ врачамъ? не въ возстановленіи ли здоровья?

Эвт. Конечно.

Сокр. Чтожъ? а кораблестроителямъ искусство угождать въ исполненіи какого дѣла угождаетъ?

E. *Эвт.* Явно, что въ постройкѣ кораблей, Сократъ.

Сокр. А домостроителямъ, видно, въ постройкѣ домовъ?

Эвт. Да.

Сокр. Скажи же, почтеннѣйшій: искусство угождать богамъ въ исполненіи какого дѣла угождаетъ? Ты, разумѣется, знаешь это; такъ какъ самъ говоришь, что лучше всѣхъ разумѣешь предметы божественные.

Эвт. И правду говорю, Сократъ.

Сокр. Скажи же, ради Зевса, въ чемъ состоитъ то прекраснѣйшее дѣло, которое производятъ боги, пользуясь нашими угожденіями?

Эвт. Такихъ прекрасныхъ дѣлъ много, Сократъ.

Сокр. Конечно,—и у полководцевъ также, любезнѣйшій; 14. однакожъ о главномъ дѣлѣ ихъ сказать нетрудно: то-есть, они выигрываютъ побѣду на войнѣ. Не такъ ли?

Эвт. Какъ же иначе?

Сокр. Равнымъ образомъ много прекрасныхъ дѣлъ и у земледѣльцевъ; однакожъ главное дѣло ихъ есть произращеніе пищи изъ земли.

Эвт. Конечно.

Сокр. Ну, а изъ многихъ и прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, которое—главное?

Эвт. Я недавно уже сказалъ тебѣ, Сократъ, что узнать всѣ съ точностію все это стоитъ не малаго труда. Вотъ мой простой отвѣтъ: кто въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ умѣетъ и говорить и дѣлать угодное богамъ; того дѣла святы и спасительны, какъ для собственнаго его дома, такъ и для общества: а противныя богоугоднымъ—нечестивы, все искореняютъ и губятъ.

Сокр. Конечно, если бы ты захотѣлъ, Эвтифронъ, то могъ бы еще гораздо короче выразить главное въ томъ, о чемъ я спрашивалъ. Но у тебя нѣтъ усердія научить меня; это видно. Вотъ, и приблизившись къ дѣлу, ты возвращаешься назадъ. Выслушавъ твой отвѣтъ, я и безъ тебя уже достаточно уразумѣлъ бы, что такое святость: а теперь вопрошающій по необходимости долженъ слѣдовать за вопрошаемымъ, куда бы послѣдній ни шелъ. Итакъ что же называешь ты святымъ и святостію? ужь не умѣнье ли приносить жертвы и молиться?

Эвт. Да.

Сокр. Но приносить жертвы не значитъ ли давать богамъ, а молиться—просить у нихъ?

Эвт. И очень, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно святость, по твоимъ словамъ, есть д. умѣнье просить боговъ и давать имъ?

Эвт. Ты весьма хорошо понялъ меня, Сократъ.

Сокр. Потому, любезнѣйшій, что жажду мудрости и

прилагаю къ ней умъ свой, чтобы не уронить ни одного твоего слова ¹.—Но скажи мнѣ, что же будетъ самое угожденіе богамъ? видно, просить ихъ и давать имъ?

Эвт. Да.

Сокр. А справедливо просить, не значить ли—просить у нихъ того, что намъ нужно съ ихъ стороны?

Эвт. Чего же еще?

Сокр. И опять, справедливо давать, не значить ли—отда-
Е. ривать ихъ тѣмъ, что имъ нужно съ нашей стороны?—Вѣдь не ловко же было бы, кажется, дарить кого-нибудь такую вещь, въ которой онъ не нуждается.

Эвт. Твоя правда, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно святость, Эвтифронъ, есть какое-то торговое искусство между богами и людьми?

Эвт. Пожалуй, если тебѣ пріятно такъ назвать ее.

Сокр. Мнѣ-то неприятно, если это невѣрно. Скажи,
15. какую пользу боги получаютъ отъ нашихъ даровъ? Что они даютъ, то всякому извѣстно; потому что у насъ нѣтъ ничего добраго, что было бы даровано не ими. Но въ чемъ состоитъ та польза, которую они получаютъ отъ насъ? Или наша выгода въ этой торговлѣ такъ выше ихъ выгоды, что отъ нихъ мы приобретаемъ всѣ блага, а отъ насъ они не приобретаютъ ничего?

Эвт. Развѣ ты думаешь, Сократъ, что боги пользуются тѣмъ, что получаютъ отъ насъ?

Сокр. А иначе, что значили бы наши дары богамъ, Эвтифронъ?

Эвт. Что другое представишь, кромѣ чествованія, поклоненія и благодарности, какъ я недавно сказалъ?

В. *Сокр.* По этому святость есть выраженіе благодарности, Эвтифронъ, а не то, что полезно и любезно богамъ?

¹ Οὐ χαμαὶ πεσεῖται, ἢ τι ἀν εἴπῃς. Schol. Περὶ κρίσεως. Οὐ μὲν χαμαὶ πέτρῃ — ἐπὶ τῶν διακενῆς οὐδὲν λεγόντων, ἀλλ' ἐπιτυχαίνοντων. То есть, эта пословица при-
мѣняется къ тѣмъ, у которыхъ расчитано каждое слово, или которые ниче-
го не говорятъ на вѣтеръ.

Эвт. Да, выраженіе благодарности для нихъ, кажется, любезнѣе всего.

Сокр. Такъ опять выходитъ, что святое—то, что любезно богамъ?

Эвт. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Но говоря это, будешь ли удивляться, что слова твои не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а бродятъ? и захочешь ли обвинять меня, какъ Дедала, въ ихъ непостоянствѣ? Ты самъ, гораздо искуснѣе, чѣмъ Дедалъ, заставляешь ихъ ходить кругомъ. Развѣ не замѣчаешь, что наша рѣчь пришла С. опять къ своему началу? Вѣроятно ты помнишь, что святое и боголюбезное прежде было у насъ не одно и то же, а различно. Или не помнишь?

Эвт. Помню.

Сокр. А теперь развѣ не признаешь, что любезное богамъ называешь святымъ? Вѣдь любезное богамъ есть не иное что, какъ боголюбезное. Или нѣтъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, или прежнее положеніе не хорошо, или теперешнее невѣрно, если то хорошо.

Эвт. Выходить.

Сокр. Итакъ надобно изслѣдывать снова, что называется D. святымъ: я, сколько отъ меня зависитъ, не откажусь отъ этого предмета, пока не узнаю его. Не презри же меня, но непремѣнно удостой своимъ вниманіемъ и хоть теперь наконецъ скажи истину. Тебѣ она извѣстна вѣдь болѣе, чѣмъ другимъ; а потому тебя не должно выпускать изъ рукъ, какъ Протея, пока не скажешь ¹. Если бы ты не зналъ ясно, что называется святымъ и нечестивымъ, то какъ бы рѣшиться — за человѣка наемнаго, настойчиво обвинять ²

¹ См. прим. къ Эвтид. р. 288. С. У Эвтифрона Сократъ видитъ такое же превращеніе понятій о святости, какъ превращался Протей.

² *Настойчиво обвинять въ убійствѣ, δεικάζειν φόνη.* По нѣкоторымъ изданіямъ δεικάζειν. Но знаменитый филологъ Германъ достаточно въ особомъ разсужденіи доказалъ, что глаголы оканчивающіеся на αδειν, εδειν и υδειν, выражаютъ нарочитую силу, продолжительность и напряженіе дѣйствія. Сравн. de Rep. II. р. 375. A. Gorg. р. 483. A. Apol. Socr. р. 32. A.

въ убійствѣ старика отца? Нѣтъ, ты и боговъ побоялся бы, Е. чтобъ какъ-нибудь не сдѣлать неправды, и постыдился бы людей. Да, я хорошо знаю, что тебѣ совершенно извѣстно святое и не святое. Скажи же, добрый Эвтифронъ; не скрывай отъ меня своихъ мыслей.

Эвт. Въ другое время, Сократъ; теперь спѣшу въ одно мѣсто, и уже пора идти.

Сокр. Что ты дѣлаешь ¹, другъ мой? Твое удаленіе лишаетъ меня великой надежды,—узнавъ отъ тебя, что свято, что нѣтъ, избавиться отъ обвиненія, внесеннаго на меня 16. Мелитомъ. Я доказалъ бы ему, что, по милости Эвтифрона, вышедши мудрецомъ въ дѣлахъ божественныхъ, и уже не говорю о нихъ пустяковъ, какъ невѣжда, не ввожу новыхъ понятій, даже хотѣлъ бы и остальную свою жизнь провести сколько можно лучше ².

¹ Οἷα ποιεῖς — формула удивленія, когда видятъ, что кто нибудь совершаетъ такое дѣло, котораго не ожидали и не предполагали. Она читается также Charmid. p. 166. С. Alcib. 1. p. 113. Е. Потомъ выраженіе: *лишаетъ великой надежды*, ἀπ' ἐλπίδος καταβάλων, соотвѣтствуетъ латинскому: deŕeŕi, de pelli de spe, которому противуполагается ἐπ' ἐλπίδος ἄρεισθαι Legg. III. p. 699. В. Interpr. ad Eurip. Orest. v. 68.

² Послѣднія слова въ Эвтифронѣ погречески читаются такъ: ἐνδειξάμενος ἐκείνῳ ὅτι σοφὸς ἦδη παρ' εὐτύφρονος τὰ θεῖα γέγονα καὶ ὅτι οὐκέτι ὑπ' ἀγνοίας αὐτοσχεδίαζω οὐδὲ καινοτομῶ περὶ αὐτά, καὶ θεὸν καὶ τὸν ἄλλον βίον ὃ τί ἀμεινον βιωτοίμην. Въ конструкціи этихъ словъ чрезвычайно затрудняло критиковъ соединеніе въ одной и тойже фразѣ различныхъ наклоненій. По этому глаголы γέγονα, αὐτοσχεδίαζω, καινοτομῶ, βιωτοίμην — они старались поставить въ различную зависимость. Но всѣ ихъ усилія только вредили подлинной мысли Платона и доказывали, что формулы языка греческаго, не равно ладятъ съ грамматическимъ механизмомъ языковъ новоевропейскихъ. Нашъ русскій языкъ чаще всего въ одной и той же фразѣ соединяетъ различныя наклоненія, и потому приведенныя слова Платона перелагаются на нашу рѣчь весьма естественно и безъ всякихъ усилій, равно какъ подобныя фразы Gorg. p. 512 А. Protag. p. 335 А. Alcib. p. 240. D. Charm. p. 156. Е etc.